

НОВАЯ КЛАССИКА / NOVUM CLASSIC

ИГОРЬ · ВОЕВОДИН

Повелитель
монгольского ветра

Москва, 2017

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В63

Фотография автора: Валерий Евстигнеев

Воеводин, И.

В63 Повелитель монгольского ветра / И. Воеводин. — М. : РИПОЛ классик / T8RUGRAM, 2017. — 258 с. — (Новая классика).

ISBN 978-5-519-50748-6

Барона Унгерн фон Штернберга принято считать либо душевнобольным, либо патологическим садистом. Первое не исключает второго, да и не оправдывает.

Советская историческая наука последнего рыцаря — крестоносца белой армии — не любила. Но советские люди пели на кухнях под гитару: «Господа офицеры, попрошу вас учесть — кто сберег свои нервы, тот не спас свою честь».

Потомок Аттилы, наследник Чингисхана, бунтарь, мистик и аскет, генерал русской армии в желтом монгольском халате с солдатским Георгием на груди, муж китайской принцессы, которого не брали ни пуля, ни шашка, был застенчив, как барышня, бесстрашен, как тигр, и до самозабвения предан людям.

Они его и предали.

Монголы ждали его восемьсот лет, и регулярно встречаются до сих пор.

Ветер, пустыня. Кровь на песке не видна.

Ом мани падме хум.

Спаси и сохрани...

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
BIC FV
BISAC FIC014000

© Воеводин И. В., 2015
© Издание. Оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2015
© T8RUGRAM, 2017

ISBN 978-5-519-50748-6

**И ПРИДЕТ,
КАК
ПРОХОЖИЙ**

*Ночь с 19 на 20 мая 1921 года,
Урга (Улан-Батор), Монголия*

...Ночь, глухая, тревожная ночь висела над городом. Кое-где горели костры, возле которых грелись часовые и патрульные, да несколько электрических фонарей возле домов правительственных чиновников, да еще несколько уцелевших лампочек единственного в городе синематографа сигнализировали о том, что в Урге теплилась жизнь.

Звезды, мохнатые звезды пустыни, каких никогда не увидишь в Европе, начали проступать еще тогда, когда сиреневый закат ласкал и прямой, как стрела, Кяхтинский тракт, и главный монастырь – Гандан, что по-русски значит «Большая Колесница Совершенной Радости», где обучались врачи, астрологи и гадалки-изрухайчи.

Звезды, казалось, касались самого высокого здания в основном одноэтажной Урги – храма Авалкитешваре Всемилосердному, внутри которого покоилась 25-метровая статуя из позолоченной меди.

Ночь тонула в безмолвии, только из сопок доносились еле слышные завывания волков да скрипели, чуть колеблемые ветерком, барабаны у бесчисленных храмов — сколько раз повернешь их по пути в святилище, столько грехов с тебя и спишется. Но никто не клал своих ладоней на дерево барабанов, крытых лаком, никто не молил о пощаде, и только ветер, ночной ветерок, все надеялся, что его усилия не останутся незамеченными и хоть что-то ему простится.

— Входи, — раздался голос.

Барон Унгерн откинул кошму и вошел внутрь. Жамболон, хозяин юрты, высокий и худой человек средних лет с длинным, каким-то лошадиным лицом, был до Мировой войны простым пастухом. Однако по крови он был бурятским великим князем, потомком царей.

Барона он знал еще по Германскому фронту и позже сражался вместе с ним против большевиков.

— Это последняя ночь, Жамболон! Я больше ждать не могу, ты обещал мне! — произнес Унгерн.

Бурят кивком головы дал понять, что все помнит. Слуга поставил на низенький столик чай, орехи, кишмиш и финики.

— Пусть это будет последним предсказанием, Жамболон! — снова заговорил Унгерн. — Если и твоя гадалка предскажет то же, что и остальные, я смирюсь. Но я должен знать наверное!

Хозяин молчал. Ровно в полночь в юрту двое дежурных офицеров ввели женщину маленького роста и средних лет, одетую цыганкой. Низко поклонившись, она уселась перед жаровней и подняла немигающие пронзительные глаза на барона. Ее лицо было блее и тоньше, чем у монголов, она была полубуряткой-полуцыганкой и самой знаменитой прорицательницей по всем Срединным землям.

Медленно вытащив из-под кушака мешочек, она достала из него несколько плоских костей и какие-то сухие травы.

Затем, понемногу бросая траву в огонь, зашептала заклинания.

Юрта наполнялась благовониями. Барон нервно тербил православный крестик под монгольским халатом и моллся.

Гадалка положила на жаровню кости и долго переворачивала их бронзовыми щипцами. Когда кости почернели, она склонилась ниже, рассматривая их. Ее волосы — чернее ночи — выбились из-под цветного платка и свесились, закрывая лицо.

Внезапно она откинулась, упала на спину и в полузабытьи стала выкрикивать:

— Тень... Ночь... Бог войны, твоя жизнь идет к концу... Сто тридцать! Еще сто тридцать шагов! Пустота...

Она потеряла сознание, и два бурята вынесли ее на воздух.

Барон сидел недвижим, опустив голову. В юрте царил тишина, только потрескивали угли в жаровне да внезапно прорезал ночь крик филина, перекрыв волчий вой.

Унгерн встал. И, ходя в нервном ознобе по юрте, не замечая никого, бормотал:

— Умру... Я умру... Но это ничего, ничего! Дело не умрет. Оно начато и не погибнет, племена потомков Чингисхана проснулись, и никто не потушит огня в их сердцах. Образуется царство от Тихого и Индийского океанов и до Волги, родится новый человек, не извращенный Западом, первозданный, сильный и мудрый в простоте своей...

— Боже, Боже мой! — внезапно возвысил он голос, воздев руки в молитве, не замечая никого. — Всесильный Господи, ну почему, почему я не увижу, как Россия очистится от позора революции, неужто по грехам моим Ты не даешь мне счастья быть в первых рядах бойцов?! И неужели Ты, даже Ты не в силах нарушить законы кармы?!

Он упал ничком и долго лежал без движения. Чуть слышно бормотал мантры Жамболон, и лишь самое чуткое ухо могло разобрать бесконечно повторяющееся:

— Ом мани падме хум...

Офицер-бурят откинул полог. Забрезжило утро. Барон Унгерн фон Штернберг встал и выпрямился во весь свой высокий рост. Жаровня чуть дымила, угли в ней дотлевали и подернулись седым пеплом. Желтый монгольский халат, на котором выделялись погоны генерал-лейтенанта Российской империи да Георгиевский крест 4-й степени, лишь подчеркивал болезненную бледность его безжизненного лица. Тем ярче, неожиданной горели голубым его глаза. Они горели решимостью, бесповоротностью, но никто бы не углядел красных угольков безумия в них — наоборот, разум барона был светел и ясен, как никогда. Он смирился, подчинился, он отрешился от всего земного, он знал свой день и час, и ничто больше не тяготило его.

— Время пришло, — голос его был чист и звонок, — я сейчас выступаю из Урги.

Он быстро и крепко пожал руки Жамболону.

— Прощай навеки, верный друг! Я умру ужасной смертью. Но великое, вселенское, очистительное пламя уже горит!

Барон повернулся, чтобы уйти, и остановился, увидев перед собой фигуру Богдо-гэгена.

— Ты не умрешь, бог войны! — медленно произнес тот по-монгольски. — Ты воскреснешь вечно живым для лучшей участи, иди и помни!

Вокруг юрты трубили в рожки и били в барабаны бесчисленные ламы из свиты Богдо-гэгена, отгоняя от него и собеседников злых духов.

И только все повторял и повторял, раскачиваясь, как в трансе, пастух и царь Жамболон:

— Ом мани падме хум! Ом мани падме хум! Ом мани падме хум!